

Чу И сглотнул, подошел еще чуть ближе и попытался сменить тему, чтобы разрядить обстановку. Улыбнувшись, он приподнял пакетик в руке:

— Жунжун угостила мясными шариками.

Цинь Ихэн перевел взгляд на фрикадельки, а через секунду снова посмотрел на Чу И.

У Чу И сердце ушло в пятки.

«Господин Цинь, ну не надо так, а? Мне аж жутко становится».

Повглядывавшись в него пару секунд, Цинь Ихэн вдруг произнес:

— На сегодняшнем ужине был преподаватель по имени Сюй Чжимин.

Чу И опешил:

— А, он тоже там был?

Цинь Ихэн кивнул:

— Угу.

Чу И улыбнулся:

— Он после магистратуры остался в университете преподавать.

— Он вспоминал о тебе, — сказал Цинь Ихэн.

Чу И удивленно приподнял брови:

— И что он говорил?

Цинь Ихэн помолчал несколько секунд и вдруг передумал продолжать эту тему. Опустив взгляд на руки Чу И, он спросил:

— Вкусные мясные шарики?

— А, — Чу И снова приподнял пакетик. — Не знаю, но Жунжун сказала, что вкусные. — Он усмехнулся: — Думаю, и правда вкусные, иначе ей было бы неудобно приносить их и угощать всех.

Цинь Ихэн кивнул.

Чу И спросил:

— Будешь? Сварить тебе тарелочку?

— А ты будешь? — переспросил Цинь Ихэн.

— В них лук.

Цинь Ихэн с видом запоздалого озарения ответил:

— Верно.

Чу И подошел еще ближе:

— Но если ты хочешь, в холодильнике есть рыбные шарики, я поем за компанию.

Цинь Ихэн кивнул:

— Буду.

— Отлично. Сколько тебе?

— А тебе сколько?

Чу И: «...»

Ему кажется, или у Цинь Ихэна какой-то пунктик появился? Почему он во всем за ним повторяет?

Поэтому Чу И ответил:

— Наверное, четыре. Они довольно крупные.

И точно, Цинь Ихэн тут же отозвался:

— Мне тоже четыре.

Чу И улыбнулся:

— Ладно.

С этими словами Чу И унес пакет на кухню, отсчитал четыре штуки и достал из холодильника четыре рыбных шарика. Вскипятил воду, опустил туда шарики и занялся приправами.

Когда он резал имбирь, в кухню вошел Цинь Ихэн. С тем же самым нечитаемым, хмуроватым выражением лица он встал рядом, наблюдая за Чу И.

Сейчас Чу И уже мог спокойно общаться с Цинь Ихэном, так что присутствие мужа неподалеку его ничуть не смущало. У него даже оставались силы поддерживать разговор.

— Ты пробовал такие мясные шарики? — спросил Чу И.

— Нет, — ответил Цинь Ихэн.

— Моя мама тоже их готовит, хотя не знаю, похож ли вкус.

Сказав это, Чу И приоткрыл крышку кастрюли, посмотрел внутрь и забросил имбирь.

Когда крышка со стуком опустилась, Цинь Ихэн спросил:

— Кроме меня и своей мамы, ты кому-нибудь еще готовил?

Чу И засмеялся:

— Чжан Каю. В прошлый раз дома я же варил ему лапшу.

Цинь Ихэн моргнул, будто только сейчас вспомнил об этом.

— А кроме Чжан Кая? — продолжал допытываться он.

Чу И снова ухмыльнулся:

— Да многим. Когда мы собираемся с друзьями и сами готовим барбекю, хого или обычные блюда, я почти всегда принимаю участие.

Договорив, Чу И опять заглянул в кастрюлю, зачерпнул немного бульона на пробу и закрыл крышку.

Как раз в этот момент стук крышки заглушил слова Цинь Ихэна.

Подув на бульон в ложке, Чу И спросил:

— Что ты только что сказал? Я не расслышал.

Цинь Ихэн поглядел на пробующего бульон Чу И, на мгновение замер с открытым ртом и лишь потом произнес:

— Ничего.

Ладно. Он передумал это выяснять.

Чу И показалось, что сегодня вечером Цинь Ихэн ведет себя странно. Но в чем именно заключается эта странность, сформулировать не мог. Вроде бы Цинь Ихэн оставался прежним — таким же молчаливым и бесстрастным, как и всегда, но Чу И не покидало ощущение, что атмосфера между ними стала какой-то натянутой.

И эта неловкость отличалась от той, что была при первой встрече, — она была тонкой, неуловимой и не поддающейся объяснению. Чу И казалось, будто Цинь Ихэн не в духе.

Неужели у него действительно возникли неполадки в работе?

Размышляя об этом, Чу И проглотил кусочек рыбного шарика и как бы невзначай поинтересовался:

— Как у тебя дела на работе в последнее время?

Услышав вопрос, Цинь Ихэн немного опустил ложку и поднял взгляд на Чу И. Его лицо выражало недоумение.

Впрочем, логично: Чу И никогда прежде не спрашивал о его работе, так что вопрос звучал неожиданно.

— Ха-ха, — Чу И попытался сгладить неловкость. — Ты ведь сказал, что вернулся раньше срока. Вот я и подумал спросить, не скажется ли твой досрочный отъезд на делах.

Цинь Ихэн качнул головой:

— Нет.

Чу И немного опустил голову и тихо добавил:

— Все проходит гладко?

— Да.

Значит, дело не в работе.

Тогда Чу И попытался зайти с другой стороны:

— А за ужином ничего не произошло?

Цинь Ихэн вновь посмотрел на него. На этот раз в его взгляде читалось нечто иное — он слегка нахмурил брови.

Чу И на секунду подумал, что перегнул палку со своими расспросами.

— Ничего не произошло, — ответил Цинь Ихэн.

— А-а, — протянул Чу И.

И когда Чу И уже решил, что просто накручивает себя, Цинь Ихэн неожиданно спросил:

— А что, по-твоему, должно было произойти?

Чу И на несколько секунд опешил:

— А?

— Зачем ты спрашиваешь про сегодняшний вечер? — понизив голос, давил Цинь Ихэн.

— Я... э-э...

— Что именно ты хочешь узнать?

— Что?..

Разговор принимал все более странный оборот. Чу И облизнул губы и решил сказать прямо:

— Ты что, не в духе?

После этих слов за обеденным столом воцарилась тишина. Цинь Ихэн молча смотрел на Чу И, тот замер в ожидании ответа.

Спустя пару секунд Цинь Ихэн чуть наклонил голову набок и спросил:

— С чего ты взял, что у меня плохое настроение?

Чу И осекся и тут же пожалел, что сунул нос не в свое дело. Он неловко рассмеялся:

— Да нет, вовсе нет, ха-ха... Прости, я ошибся, просто ляпнул не подумав.

Но Цинь Ихэн не отставал:

— У меня плохое настроение?

Казалось, он задает этот вопрос совершенно искренне.

Чу И похлопал глазами. Он окончательно зашел в тупик.

«Господин Цинь, вы у меня спрашиваете, хорошее у вас настроение или нет?»

— Нет-нет, все в порядке, — Чу И попытался свести разговор на нет, зачерпнул ложкой бульон и сменил тему: — Уже поздно. Давай доедим, примем душ и ляжем спать, завтра ведь на работу.

Цинь Ихэн больше не стал цепляться к его словам:

— Угу.

Но после этого разговора Чу И лишь укреплялся во мнении, что Цинь Ихэн ведет себя странно. Во-первых, его подавленный вид сам по себе выбивался из нормы; во-вторых, складывалось впечатление, будто Цинь Ихэн даже не осознает собственного дурного расположения духа.

Закончив ужинать, они по очереди приняли душ и легли в постель.

Когда свет погас, Чу И стал мысленно готовиться: как-никак они не виделись две ночи, а Цинь Ихэн был совсем не прочь провести с ним время в постели. Стоило об этом подумать, как тело Чу И само собой отозвалось.

И действительно, вскоре Цинь Ихэн включил настольную лампу. Затем они с полуслова поняли друг друга и приступили к делу.

Поскольку завтра нужно было идти на работу, Чу И рассчитывал ограничиться одним разом. Но, к его удивлению, не прошло и пары минут после первого захода, как Цинь Ихэн резко перевернул его и укусил за плечо.

Мысль о том, что Цинь Ихэн все-таки чем-то расстроен, снова вспыхнула в голове Чу И. Впрочем, эта мысль быстро улетучилась, потому что Цинь Ихэн возобновил действия.

На этот раз все длилось невероятно долго. Цинь Ихэн не торопился, отводя душу и изматывая Чу И до предела. Когда они закончили, он так и не перевернул Чу И обратно на спину и не позволил ему сделать это самостоятельно.

Чу И вымотался настолько, что был готов заснуть прямо так, уткнувшись лицом вниз. Но на грани сна и яви он услышал голос Цинь Ихэна:

— Если бы ты узнал, что мне раньше кто-то нравился, ты бы расстроился?

Чу И пробыл в полузабытии еще полсекунды и моментально протрезвел. Он хотел было обернуться и посмотреть на Цинь Ихэна, но тот прижал его обратно к матрасу.

Чу И был в полном замешательстве.

«Цинь Ихэн, но ты ведь раньше говорил мне, что тебе никто не нравился?!»

— Ну так что? Расстроился бы? — Цинь Ихэн торопил его с ответом.

В голове у Чу И царил полный хаос: только-только закончился выматывающий забег, а теперь приходилось ломать голову над таким непростым вопросом. Даже без всяких гипотетических «если» Чу И уже прямо сейчас почувствовал, как испортилось настроение.

Но он понятия не имел, какой ответ будет правильным и будет соответствовать «своду брачных правил» Цинь Ихэна. Показать, что его это задевает, или проявить великодушие?

— Думаю, нет, — выговорил Чу И.

Он выбрал вариант с проявлением великодушия, рассчитывая, что Цинь Ихэна это устроит. Если они хотят уважать друг друга как равных партнеров, то не стоит ворошить прошлое.

Произнеся эти слова, Чу И окончательно сник и вяло уткнулся лицом в подушку. Сонливость как рукой сняло, и он просто ждал, желая услышать, что же Цинь Ихэн скажет дальше.

<http://bllate.org/book/18385/1767781>